

Когда опала спала

Category: Kitapcy, Yatlamalar

написано kitapcy | 26 января, 2025

Когда опала спала КОГДА ОПАЛА СПАЛА

В конце восьмидесятых годов в передачах тогда ещё крамольной радиостанции “Свобода” я услышал его тихий, уставший голос. Он рассказывал о русских художниках, живущих на Западе. Потом слушал ещё несколько его передач о Борисе Заборове, Михаиле Шемякине, Марке Шагале. Рассказчик, до этого избегавший местоимения “я”, в повествовании о Шагале употреблял его часто и даже назвал себя учеником. Я стал интересоваться, кто такой Гавриил Гликман.

Через несколько дней отправил в Германию, в Мюнхен, где жил художник, письмо и вскоре получил ответ. Гавриил Давидович, отвечая на мои вопросы, рассказывал свою биографию: “Родился в Витебске. Мама – Фейга Новик, тоже витебская. Они жили в Богословском переулке. Мой дед по материнской линии был резник. Отец – Давид Шоломович Гликман, родился в 1881 году в Бешенковичах в семье купца 2-й гильдии. Жили состоятельно, имели несколько домов. В 1903 году родители уехали в Америку. Поселились в Нью-Йорке, работали в еврейском театре. Были актёрами. Через пять лет вернулись в Витебск. Вскоре родился я.

Начал рисовать с четырёх лет. В семь – вылепил из глины маску Сократа. Любил рисовать акварельные портреты своих соучеников. Мальчиком часто бывал в Витебском художественном институте, где в то время преподавали Ю.Пэн, М.Шагал, К.Малевич, С.Юдовин, А.Бразер и другие.

Когда мне было четырнадцать, наша семья переехала в Ленинград. Я учился, посещал мастерскую скульптора Дитриха, потом – в подготовительных классах Всероссийской Академии художеств учился у скульптора Богатырёва. Основной курс Академии окончил по классу профессора Манизера. В юности основное влияние на меня оказали Роден и Бурдель. Моими соучениками в Академии были Л. Эйлин, В. Стамов, М. Аникушин”.

Хочу сразу оговориться. Мы будем вести речь о живописных работах Гавриила Гликмана. Не только потому, что они более известны, но и потому, что вторая половина жизни художника была целиком и полностью отдана живописи.

Что же из воспоминаний детства, юности, из того периода, который формирует каждого из нас, Гавриил Давидович перенёс на холсты?

...Передо мной лежит репродукция одной из известнейших работ Г.Гликмана “Каппара”. Написана она в 1987 году, маслом. Сравнительно небольших размеров – 90 х 70 сантиметров. На полотне – древний седовласый еврей в кипе и юноша, одетый в зелёное. Они как два ствола одного дерева. Старик вертит над головами красным петухом. Перед ними раскрытая книга, а далеко позади – город, вернее, целый мир, с его многообразием красок. Картина впечатляет, воздействует эмоционально и уже тем самым достигает своей главной цели. И всё же невозможно её понять, не зная древнего обычая “Каппара” – “Искупления”, по которому смерть или бедствия, предназначенные человеку за грехи, символически переносятся на домашнюю птицу. Ритуал “Каппара” обычно выполняется вечером перед Йом-Кипуром (Судным днём). Произносятся стихи из книги Псалмов и книги Йов. Затем вращают петуха или курицу над головой, приговаривая: “Это моя замена, это моё возмещение, это моё искупление. Этот петух обречён на смерть, а я – на долгую добрую жизнь и покой”. Всё это повторяется трижды.

Безусловно, художник в далёком-далёком детстве видел этот обряд в доме одного или другого деда. Но, переосмыслив его в зрелом возрасте, придал картине символическое значение. Старик крутит петухом не только над зелёным юношей, но и над всем миром, пытаюсь искупить его грехи и даровать ему долгую, добрую жизнь и покой.

Ещё одна картина, навеянная воспоминаниями юности, – “Красный комиссар”. Написана в 1984 году. Из голубого треугольника жизни сначала в серый, а потом в чёрный, на желтом коне,

въезжает комиссар. Типичный местечковый еврей. Ему бы тфиллин да талес надеть, а он будёновку примерил и забрался на коня. Из глаз комиссара льются красные слёзы. Безусловно, эти аллегории подсказаны Гавриилу Давидовичу годами нелегкой жизни. И всё же, не знаю почему, мне кажется, что видел и знал он этого комиссара. Настолько правдоподобен этот утрированный образ. И ещё, глядя на картину, я вспомнил рассказ старейшего еврейского писателя Беларуси Гирша Релеса. Он жил в Чашниках, недалеко от Бешенковичей, родины деда Гликмана. Вот этот рассказ: “В Чашники вступили части Красной Армии. Был митинг. Комиссары говорили о новой жизни, об интернационализме. А потом митинг кончился. И армия пошла дальше. Мимо дома Релесов шёл обоз. Красноармеец горланил песню:

– Я сижу на бочке, а в той бочке – каша. Вы не думайте, жида, что Россия – ваша”.

Однажды у меня спросили: “Ты пишешь о Гликмане. Ну, а чей же он художник? Еврейский? Русский? Белорусский? Австрийский? Немецкий? Ведь со всеми этими культурами он так или иначе связан. А значит, они отразились в его творчестве”.

Я сразу вспомнил знакомые вопросы, которые каждый раз задавались по поводу Марка Шагала. Чей он художник? И тогда, и сейчас я готов ответить абсолютно одинаково. Нельзя художника загонять в рамки. Любые: национальные, религиозные, географические. Для настоящего, я подчеркиваю, для настоящего художника, любые рамки будут малы. Он обязательно выйдет за их пределы, какими бы большими они не были. Разорвёт их, разломает. Уходя корнями в национальные традиции, питаюсь их целительными соками и впитывая в себя культуру народов, с которыми связала его судьба, он становится достоянием всего мира.

Все мы, независимо от происхождения или места жительства, подвластны одним и тем же законам Вселенной. Настоящий художник чувствует их и вкладывает это в каждую свою работу. Впрочем, Гавриил Давидович сам ответил на этот вопрос так: “Разграничить и проанализировать взаимоотношения национального и космополитического в моём творчестве трудно. Меня интересует жизнь во всех её проявлениях и человек”.

Академию Гликман окончил уже после войны. Учёбу на долгие годы прервал фронт. Гавриил Давидович – лейтенант артиллерии. Воевал сначала на Северном фронте, потом на Первом Белорусском и закончил войну в Берлине. Гимнастерку демобилизованного

офицера украсили ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медали. Впрочем, Гликман не очень любил щеголять в наградах, потому что всегда помнил, сколько смертей было рядом. И понимал: ему просто повезло – он остался жить.

Серьёзно заниматься живописью Гавриил Гликман начал в середине пятидесятых годов, испытывая влияние Пикассо, Шагала, Ван Гога, Гогена, Сезанна.

Живя в Советском Союзе, участвовал в десяти Всесоюзных выставках как скульптор. В 1968 году была первая и последняя персональная выставка живописца в Ленинграде, которую закрыли на третий день. Закрыли, “промывая мозги всем недовольным”, чтобы в назидание было остальным. Мол, выискался, Гликман... Мало того, что не рисует рабочих, крестьян, передовиков производства, партийных и государственных деятелей, так ещё и лица на портретах невозможно искажает, наплевательски относясь к социалистическому реализму.

Работал Гликман много. Рисовал портреты людей, встречаясь с которыми в годы застоя, постигая творчество которых мог глотнуть хоть чуть-чуть чистого воздуха. На его полотнах: Анна Ахматова, Кафка, кинорежиссёр Эрмлер, поэт Клюев, режиссер Мейерхольд, художник Альтман, художник Филонов. (Думаю, именно Павел Филонов оказал на Гликмана большое влияние.) Портреты ленинградских знакомых без фамилий и имён. Это портреты тех людей, которых не сумели перековать в винтики социалистического механизма.

Но всё же особое место в галерее Гавриила Гликмана занимают портреты музыкантов. Не случайно, ещё дипломной работой в Академии была скульптура композитора Мусоргского. Вероятно, в душе Гликмана все годы жила несбывшаяся мечта стать музыкантом. И он рисует портреты Сергея Прокофьева, Дмитрия Шостаковича, Святослава Рихтера, Мстислава Ростроповича. Ростропович сказал, что творчество Гликмана производит на него огромное впечатление.

После разогнанной выставки, предтечи “бульдозерной”, работать и выставляться Гавриилу Давидовичу не давали. Следили в оба глаза: как бы он своей живописью не подорвал устои социализма. В 1980 году Гликман эмигрирует сначала в Вену, потом в Мюнхен. Начинается второй этап в творчестве художника. О нём наконец-то узнает мир. Выставки в Вашингтоне (галерея “Коркоран”), в Голландии (Роттердам и Амстердам), в Англии (Лондон), в Израиле, в Германии. И везде работы художника ждал успех.

Окрылённый Гликман работает много, плодотворно...

В 2003 году в Германии скончался Гавриил Давидович Гликман. Ему было 92-м года. А ещё через несколько дней после этого известия я встретил искусствоведа из Витебского художественного музея. Она спросила, есть ли у меня материалы о Гликмане. Я, естественно, поинтересовался, почему вдруг вспомнили об этом художнике. Оказывается, главная газета Беларуси после смерти Гавриила Давидовича опубликовала заметку о нём, где художник был назван “одним из крупнейших мастеров XX века”.

Областное начальство пригласило к себе искусствоведа:

– Соберите материалы о Гликмане. О то весь мир будет говорить о нашем земляке, а мы снова окажемся в стороне.

Я подумал: “Слава Богу, что наступают такие времена. Художника наконец-то оценят на Родине”. Но был большим оптимистом. О Гаврииле Гликмане больше не писали республиканские газеты, и в Витебске быстро забыли о нём.

Аркадий ШУЛЬМАН.

1990, 2003 гг. Ýatlamalar